

ВАСИЛИЙ АВЕНАРИУС

ЧТО
КОМНАТА
ГОВОРИТ

Василий Петрович Авенариус

Что комната говорит

Аннотация

«Еще ночь: кругом в детской почти ничего не видать. Но Ване не спится. То на один бок повернется, то на другой, то кренделем свернется, то опять ножки от себя врозь оттолкнет. Уф, как жарко! Верно, няня вчера слишком много дров в печку положила... Он сорвал с груди одеяло и руки на подушку за голову закинул...»

Содержание

I	4
II	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василий Авенариус

Что комната говорит

I

Еще ночь: кругом в детской почти ничего не видеть. Но Ване не спится. То на один бок повернется, то на другой, то кренделем свернется, то опять ножки от себя врозь оттолкнет. Уф, как жарко! Верно, няня вчера слишком много дров в печку положила... Он сорвал с груди одеяло и руки на подушку за голову закинул.

А все не спится! В голове точно мельница стучит, думается без конца о том, о другом. Что же это с ним? – А вот что. Ваня – мальчик вострый; все-то ему нужно знать, всех выпрашивает. и отца, и мать, и няню, и старшую сестрицу свою: «Почему это так, а не этак? Из чего это сделано, да откуда берется?» И накопилось у него теперь в голове всякой всячины столько, что места уже нет, вон выпирает, спать не дает.

Вдруг Ваня весь так и всполохнулся. Что это такое? Точно кругом какой-то шорох и стук, какие-то странные деревянные голоса... Сердце в груди у него сильно забилося. Дохнуть не смея, стал он из-за края подсматривать, подслушивать.

II

Вот так диво! Ведь это стулья, просто-таки стулья разговорились меж собой! Ножками топчат, спинками шевелят да так и тараторят...

– Позвольте, господа! Всем зараз нельзя, – перекричал тут других один стул. – Все мы один как другой: спорить, кажется, не о чем. Дайте мне, господа, за всех сказать то, что у каждого на душе!

– Говори, говори! Пусть говорит! – зашумели все стулья разом.

– Мы первую нашу молодость вспоминали, – начал стул. – Ах, да! Славное было то время, когда мы еще березками в лесу стояли. Солнце нас грело, дождик поил, птички в верхушках наших гнезда вили и песни пели. Приходили к нам погулять деревенские девушки и ребяташки за брусничкой, за грибами; ходят да вдруг остановятся и всею грудью вздохнут: «Какой от берез-то этих дух чудесный!» Помните, господа, а?

– Еще бы не помнить! Как не помнить! – отвечали опять все стулья.

– Да вот же, как выросли побольше, надоело нам на одном месте стоять, ветками шевелить; захотелось куда-нибудь подальше, свет поглядеть. Точно дома не лучше, чем где на свете. И дождались! Пришли крестьяне с топорами, всех нас

под корень подрубили – то-то больно было! Сучья на дрова изрубили, а толстые стволы в город к столяру отвезли. Стал нас столяр пилой пилить, топором тесать, стругом стругать; стал точить да сверлить на токарном станке, куски прилаживать да клеем склеивать, пока не смастерил стулья. Вделал потом еще каждому в середку плетенку из камыша, навел нас краской и лаком – наконец-то совсем поспели! Чистенькие, гладенькие, ножка в ножку, спинка в спинку, хвататы, что солдаты; будто такими и на свет уродились. А ведь чего-чего не натерпелись! Были тоже в школе, да в какой! Зато же мы и в чести у людей: устанут – сейчас к нам, присядут, развалятся. Ура!

– Ура! – подхватили все стулья.

– Нельзя ли потише, господа? – сказал тут стоявший между стульями стол. – В чем честь-то? Что задом к вам повернутся да прямо на лицо сядут? Если кому хвалиться, так уж мне! Ко мне они садятся всегда лицом, ставят на меня все, что жаль на пол положить. А отчего? – Оттого, что я не из простой березы, как вы, а из цельного ореха; оттого, что лицо мое гладко и светло, как зеркало: столяр меня не просто лакировал, как вас, а пемзой и политурой оттирал, полировал. И людей-то жизнь редко когда так полирует. Мы тут двое только родные братья: я да вон шкаф платяной, – тоже из цельного ореха да весь полирован.

– Ну да! – усмехнулся тот же стул. – А зачем же он спиной к стене прижался, шкаф твой? Будто мы не знаем, что спина

у него не только не полирована, но даже не ореховая, а сосновая, из самой простой сосны.

Высокий, пузатый старик-шкаф до сих пор молчал. Теперь и он не стерпел насмешки забияки-стула.

– Не тебе бы, молокососу, говорить, не мне бы, старику, слушать, – проворчал он. – Разве сосна не такое же дерево, как орех или береза? Только попроще маленько. Кто же спину мою видит? Ну, вот она, по-домашнему, и одета проще. Да и важно не то, как кто одет, а что он сам есть, как держит себя. Я же самый верный друг дома: что в меня положат, то и сохраню, – ни пыли не дам тронуть, ни моли съесть, ни вору украсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.